

Farley Mowat

THE BOAT
WHO WOULDN'T
FLOAT

Фарли Моуэт

ШХУНА,
КОТОРАЯ НЕ ЖЕЛАЛА
ПЛАВАТЬ

Перевод с английского Ирины Гуровой

Иллюстрации Нины Кузьминой



БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS
Москва · 2023

ББК 84(7Кан)-44
УДК 821.111-312.6-93
М85

Содержание

Глава первая	
ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ.....	9
Глава вторая	
«СТРАСТОЦВЕТ» УХОДИТ В МОРЕ.....	24
Глава третья	
МОРСКАЯ НЕВЕСТА.....	36
Глава четвертая	
ФАРИЛЬОН И ФЕРРИЛЕНД.....	48
Глава пятая	
КОРСЕТЫ, ТРЕСКА И НЕСВАРЕНИЕ ЖЕЛУДКА.....	61
Глава шестая	
ПИРАТСКИЙ НАЛЕТ.....	72
Глава седьмая	
ПОЛНЫЙ КОРМОЙ ВПЕРЕД!.....	89
Глава восьмая	
СТАРИК ЗАСЛУЖИЛ СВОЮ КАПЕЛЮШКУ.....	104
Глава девятая	
МЕСТО, ГДЕ РОДИТСЯ ТУМАН.....	118
Глава десятая	
РОСА, РОЖДЕННАЯ ТУМАНОМ.....	129
Глава одиннадцатая	
БЁРИНСКИЕ РЕБЯТА.....	147
Глава двенадцатая	
ГИГАНТСКАЯ АКУЛА И ГИГАНТСКАЯ БАСКСКАЯ ИДЕЯ.....	161
Глава тринадцатая	
С ДУШОЙ СТОЛЬ ЧИСТОЙ.....	175

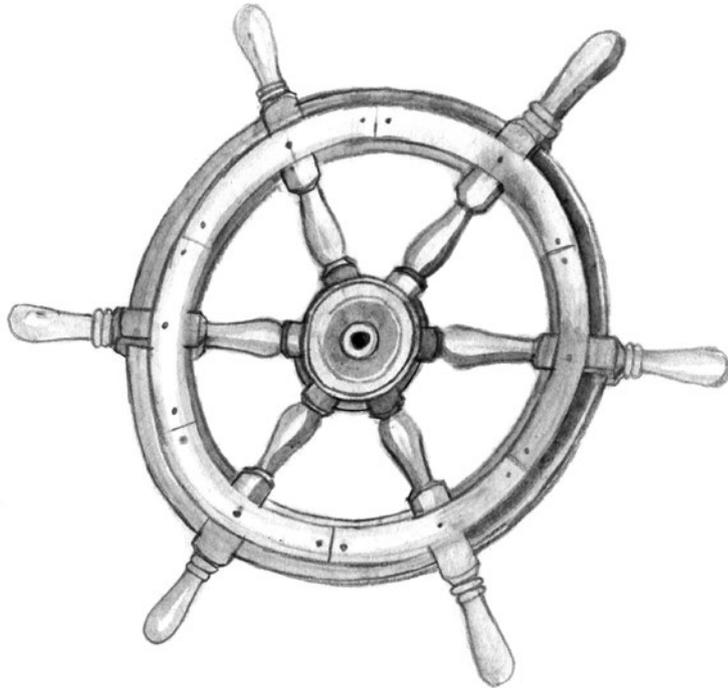
The Boat Who Wouldn't Float
Original COPYRIGHT© 1969
Izdatelstvo Albus Corvus
Russian language edition© 2023 All rights reserved
© Гурова И.Г., наследники, 1998
© Кузьмина Н., иллюстрации, 2023
© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2023

Глава четырнадцатая	
«ЗАДНИЦА САЛЛИ».....	191
Глава пятнадцатая	
ПЛАВАНИЕ «ОРЕГОНА».....	206
Глава шестнадцатая	
МЫ ИГРАЕМ В ИГРУ.....	224
Глава семнадцатая	
ДЕРЖАТЬ НА ЗАПАД! КАК БЫ НЕ ТАК!.....	236
Глава восемнадцатая	
ПРОЩАЙ, МЕССЕРС!.....	258
Глава девятнадцатая	
У ЧУЖДЫХ БЕРЕГОВ.....	272
Глава двадцатая	
ПРИВЕТ, «ЭКСПО»!.....	288
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	314
СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ.....	317

*Ее друзьям, которые
любили ее вопреки всем
недостаткам: Клэр, Джеку,
Тео, Питеру, Альберту, Энди,
Ангусу, Сэнди, Дэвиду, Пегги,
Джону, Дейлу, Дону и всем
остальным, но особенно –
Майку Доновану, который
больше не будет плавать по
беспокойным водам*

Глава первая

ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ



Во мне прочно засел страх перед аукционами, восходящий к третьему году моей жизни. В том году мой отец зашел на аукцион, просто чтобы скоротать несколько ничем не занятых часов, и вышел оттуда ошарашенным владельцем тридцати ульев, битком набитых пчелами, а также всяческого инвентаря, необходимого пчеловоду. Не сумев избавиться от своей роковой покупки, он волей-неволей стал пасечником, и следующие два года я питался почти исключительно содовыми бисквитами и медом. Затем боги сжалились над нами, и все пчелы скончались от чего-то под названием гнилец, и мы могли вернуться хотя бы к некоторому подобию нормальной жизни.

В моем подсознании аукционы по-прежнему ассоциируются с великими катастрофами. Обычно я бегу от них как от чумы, но в один прекрасный апрельский день несколько лет назад я также стал жертвой пенья сирен. Случилось это в сонном городке на берегу озера Онтарио, некогда главном порту для великих флотилий, которые специализировались на перевозках ячменя и исчезли где-то в начале нашего века. В этом городке обитал торговец всем, что могло потребоваться для этих шхун. Он не пожелал смириться с воцарением пара и смертью

паруса и более полувека сохранял свою лавочку и запас товаров в ожидании дня, когда в его дверь вновь постучится моряк. Но так и не дождался. Он умер, и наследники решили пустить хлам старика с аукциона, чтобы перестроить лавочку в бильярдную.

Волей судеб я оказался проездом в городке в день аукциона с молодой спутницей, к которой питал некую страсть. Да только она-то питала страсть к аукционам и, увидев объявление, потребовала, чтобы мы немедленно отправились туда. Я стиснул зубы в твердой решимости ничего не покупать, но в полутемной древней лавочке, еще благоухавшей корабельным варом, клеенчатыми дождевиками и пыльной парусиной, что-то внутри меня дрогнуло.

Среди пристрастий, какими меня заразил отец, было романтическое, в духе Джозефа Конрада, увлечение морем и бороздящими его судами. Подобно ему я частенько отвлекался от горестей, которые накликивал на себя, и часами с головой уходил в книги о плаваниях на малых суденышках по дальним уголкам океанического мира. За десять лет до дня аукциона я бросил якорь посреди изъеденных эрозией песчаных холмов провинции Онтарио, практически так далеко от океана, как только мог забраться человек. И принялся трудиться, добываясь, чтобы трава, деревья, овощи и сам я пустили прочные корни в эту почву. Усилия мои были тщетными. Засуха губила траву. Сосновые пилитьщики, другие их собратья и кролики обдирали деревья. Проволочники уничтожали овощи. Десятилетие рабского служения скудным пескам не только не связало меня прочными корнями с Матерью-Землей, но, наоборот, распалило

во мне мятежный дух, о силе которого я и не подозревал, пока не очутился в старой корабельной лавке, физически соприкоснувшись с атрибутами мира, который до этого знал лишь в своем воображении.

Я покупал. Я покупал, и покупал, и покупал. Я накопил столько корабельного добра былой эпохи, что оно еле уместилось в сарае моей высушенной убогой фермы. Я сын моего отца, а потому история с пчелами не могла не повториться и не привести к predetermined финалу.

Волей судеб у меня есть друг-издатель, который относится к книжному делу примерно так же, как я к обработке земли собственными руками. Джек Макклелланд — романтик, хотя при этом слове зеленеет и яростно опровергает подобные утверждения. Во время войны он командовал ТК (торпедным катером) и другими такими же стремительными кораблями, ну и, хотя после войны он вернулся в унылое однообразие делового мира, дух его остался на мостике ТК, летящего среди серых просторов Атлантики: орудия палят по смутным призракам немецких подлодок, безнадежно пытающихся избежать уготованной им судьбы. У Джека есть коттедж на озере Маскока, и там он держит старомодную, остроносую, отделанную красным деревом моторку, которая в новолуние иногда оборачивается ТК к вящей панике влюбленных парочек, бороздящих тихие воды в каное.

Как-то вечером две-три недели спустя, после того как я приобрел запас товаров усопшего владельца корабельной лавочки, мы с Макклелландом причалили в одном из баров Торонто. Был унылый день в унылом городе, так что мы простояли в баре на якорю несколько часов. Я не

стенографировал то, что говорилось, и толком не припоминаю, как все это вышло, а знаю лишь, что покинули мы бар, твердо договорившись купить океанское судно и начать бороздить соленые волны.

Мы решили заняться этим в старом стиле (и в нем и во мне есть что-то от комплекса Дрейка и Нельсона), из чего следовало, что купить мы должны старомодное судно — один из тех деревянных кораблей, на которых некогда плавали железные люди.

Насколько нам было известно, найти такой корабль мы могли только на далеком и туманном острове Ньюфаундленд. А потому как-то утром в начале мая я прилетел в древнюю столицу этого острова Сент-Джонс, где договорился о встрече с рыжебородым, льдисто-голубоглазым ниспровергателем основ по имени Гарольд Хорвуд, который, если верить слухам, знал о разбросанных по побережью острова портовых деревушках больше всех на свете. Хотя я был с материка, а Гарольд материковых не терпит, он согласился помочь мне в моих розысках. Не знаю точно почему, но, быть может, дальнейшее знакомство с этой хроникой наведет на кое-какие мысли.

Гарольд возил меня по десяткам рыбачьих деревушек, льнущих, точно застывшая патока, к обрывам огромного острова, о которые дробятся океанские валы. Он показывал мне суденышки и суда от четырнадцатифутовых рыбачьих плоскодонок до истлевающего величия трехмачтовой шхуны водоизмещением в пятьсот тонн. К несчастью, суда, достаточно надежные, чтобы сняться с причала, не продавались, а те, которые соответствовали моим средствам (Джек благоразумно назначил верхний предел в тысячу долларов), были либо настолько

стары и изношены, что их палубы поросли мочегончиками (местное название одуванчиков), либо ушли на заслуженный отдых на дне гавани, так что над водой торчали только их надстройки.

Время иссякало, а мы не двигались с места. Рыжая борода Гарольда торчала под все более и более воинственным углом; его льдистые глаза пробуравливали нас сквозь, а настроение все ухудшалось и ухудшалось. Он не привык терпеть неудачи, и ему они пришлось очень не по вкусу. С его подачи в газетах была опубликована заметка о приезде материкового богача, который ищет местную шхуну.

Два дня спустя он сообщил мне, что нашел идеальное судно. Небольшая двухмачтовая шхуна, сказал он, из тех, что тут называют южнобережными лоханками. Не могу сказать, что это прозвище так уж меня очаровало, но к этому времени и я почти отчаялся, а потому согласился поехать посмотреть ее.

Она покоилась, вытащенная на берег у Грязной Ямы, рыбачьей деревушки на восточном побережье полуострова Авалон, — побережье, которое почему-то называется Южным берегом. Ну, разве потому, что находится к югу от Сент-Джонса, а Сент-Джонс (во всяком случае, в собственных глазах) является центром вселенной.

Туристические карты утверждают, что Грязная Яма соединена с Сент-Джонсом приличным шоссе. Это типичный ньюфаундлендский розыгрыш. Грязная Яма никак с Сент-Джонсом не соединена, если не считать узенькой тропы, которую, согласно поверью, проложил несколько веков тому назад очень дряхлый карибу, который был не только слеп, но и хромал на все четыре ноги.

Как бы то ни было, нам потребовалось шесть часов, чтобы проехать по его следам. Был весенний день, типичный для восточного берега. С моря задувал ураганный ветер, хлеща по машине косыми струями дождя. Туман с Большой Ньюфаундлендской банки, постоянно таящийся в засаде у прибрежных вод, теперь перелился через высокие мысы, закрыв обзор. Ведомый врожденным инстинктом, унаследованным от предков-мореходов, Гарольд каким-то чудом не сбился с пути, и незадолго до десяти в кромешной тьме мы прибыли в Грязную Яму.

То есть мне пришлось положиться на заверения Гарольда: в свете фар нельзя было различить ничего, кроме дождевых струй и тумана. Гарольд вытащил меня из машины и секунду спустя замолотил кулаками в невидимую дверь. Она приоткрылась и впустила нас в крохотную, ярко освещенную, тропически жаркую кухню, где меня представили братьям Майку и Пэдди Холлоханам. В толстых, домашней вязки фуфайках, тяжелых резиновых сапогах и черных саржевых брюках они выглядели как парочка контрабандистов, сошедших со страниц Роберта Льюиса Стивенсона. Представляя меня, Гарольд объяснил, что я тот самый «материковый» и приехал посмотреть их корабль. Братья не стали тратить время зря: снабдили меня клеенчатым плащом и зюйдвесткой, а затем вытащили под дождь и ветер.

Дождь хлестал с таким шумом, что почти заглушал грохот прибоя, дробившегося о скалы словно бы прямо подо мной и на довольно близком расстоянии.

— Ночка в самый раз, чтоб сесть на рифы! — жизнерадостно проорал Пэдди.

И в самый раз, чтобы свалиться с обрыва и сломать шею. Возможность, которая имела более близкое касательство ко мне, пока я следовал по пятам за Пэдди вниз по крутой тропе, до того скользкой, что нормальная коза хорошенько подумала бы, прежде чем ступить на нее. Фонарь Пэдди, в целях экономии заправленный нерафинированным рыбьим жиром, лишь символически подмигивал слабым огоньком сквозь густое облако вонючего дыма. Впрочем, он оказался очень полезным: благодаря ему я мог следовать за своим вожатым, полагаясь исключительно на свой нос.

Двадцать минут спустя я больно стукнулся о Пэдди и столь же больно об меня стукнулся Майк, который шел по моим пятам. Пэдди выставил фонарь вперед, и передо мной сумасшедшим виденьем возникло его лицо гнома, залитое дождем и почти рассеченное пополам широкой усмешкой.

— Вот, значит, она, шкипер! Лучшая лоханочка на всем Южном берегу Ньюфаундленда!

Я ничего не увидел, протянул руку и прикоснулся к чему-то выгнутому и мокрому. Пэдди придвинул фонарь поближе, и в его бликах я разглядел зеленую краску самого гнусного оттенка, какой мне только приходилось видеть. Мне тут же припомнился голый живот давно уже мертвого немца, с которым довелось делить окопчик в Сицилии. Я отдернул руку как ошпаренный.

Майк заревел мне в ухо:

— Ну, посмотрел ее, милок, так пошли домой, выпьем по капельке.

Майк и Пэдди тут же упорхнули, предоставив мне вволю спотыкаться позади них.

Вновь водворившись в безопасность кухни, я узрел Гарольда, который и не думал покидать это теплое убежище. Позднее он объяснил, что счел не тактичным присутствовать при моем первом общении с моей первой любовью. Гарольд такой деликатный человек!

К этому моменту я промок насквозь, впал в уныние и промерз до мозга костей; но тут за меня взялись братья Холлохан и их престарелая матушка, которая появилась из задней комнаты. Для начала они скормили мне большую тарелку солонины и турнепса, сваренного с соленой треской, что вызвало у меня пылающую жажду. И тут братья поставили на стол кувшин скрича.

Скрич — чисто ньюфаундлендский напиток. В давние времена он изготавливался с помощью кипятка, который наливался в бочонки из-под рома для растворения ромовых остатков, буде они там имелись. В полученную таким способом черную жижу добавлялись патока и дрожжи. Смесь эту оставляли хорошенько перебродить, а потом дистиллировали. Иногда пару-другую деньков ее настаивали на порядочном куске жевательного табака.

Но на смену старым рецептам пришли новые, и нынешний скрич — птица совсем иного полета. Это карибский ром самого паршивого качества. Его ньюфаундлендские власти разливают в бутылки с этикеткой «Скрич» и продают беднякам, которым жизнь надоела. Нынешний не так пробирает, как прежний, но этот недостаток можно исправить с помощью добавки лимонного экстракта — его и исправляют. Обычно скрич подают разбавленным кипятком. При таком его почти газообразном состоянии алкоголь поступает в кровь в мгновение ока. И не пропадает зазря в пищеварительном тракте.

Это было мое первое знакомство со скричем, и никто меня не предостерег. Гарольд откинулся на спинку стула со злоехидным блеском в глазах и упоенно наблюдал, как я стараюсь утолить жажду. Во всяком случае, такое у меня осталось впечатление, но мои воспоминания о дальнейших событиях этого вечера несколько смутны.

Позднее мне было суждено выслушивать обвинения Джека, что я купил нашу шхуну, когда был пьян, или же купил ее, ни разу не увидев, или и то и другое вместе. «Другое» в любом случае неправда. Пока я сидел в ошеломительной жаре кухни, а давление пара в моих котлах поднималось до максимума, братья Холлохан прибегли к магии своих ирландских предков и сотворили для меня образ своей малютки-шхуны такими яркими красками, что я видел ее столь же ясно, как если бы она находилась в кухне перед нами. Когда в конце концов я упал на шею Пэдди и сунул пачку банкнот в его руку, словно обтянутую акульей кожей, меня переполняла чудеснейшая уверенность, что я нашел-таки идеальный корабль.

Утром на обратном пути в Сент-Джонс Гарольд пел хвалы простосердечным, кристально честным, богобоязненным ирландским рыбакам Южного берега. — Они тебе последнюю рубашку отдадут с первого взгляда, — сказал он. — Щедрый душой! Боже ты мой, во всем мире им нет равных. Вам повезло, что вы им пришлось по сердцу.

В определенном смысле Гарольд был, пожалуй, прав. Не приходишь я по сердцу братьям Холлохан, так, возможно, я остался бы в Онтарио и, того гляди, стал бы порядочным обывателем. Я не питаю зла к Холлоханам,

но надеюсь, что больше никогда не попадусь, как попался в тот достопамятный вечер в Грязной Яме.

Два дня спустя я вернулся туда осмотреть мою покупку, оценить ее на этот раз трезвым (в смысле — спокойным, рассудительным) взглядом. Издалека она, бесспорно, выглядела изящным корабликом, несмотря даже на свою тошнотворную окраску. Подлинный корпус шхуны, но в миниатюре: длина палубы — тридцать один фут при ширине девять футов и осадке в четыре фута. Но вид у нее был грубейший! При ближайшем рассмотрении начинало казаться, что ее сколотила орда наших палеолитических предков, возможно замечательных кораблестроителей, но орудовавших исключительно каменными топорами.

Ее конструкция и удобства оставляли желать лучшего. Она была гладкопалубной, с тремя узкими люками для приема рыбы и шириной едва достаточной, чтобы один человек стоял там и сбрасывал треску в два смежных трюма, — в них обоих упрямо витал дух миллионов давно скончавшихся рыбин. В самом носу имелся капитанский салон высотой два фута, шириной в три и длиной тоже в три, в который мог бы втиснуться один очень щуплый человек, если бы согласился принять эмбриональную позу. Имелось еще машинное отделение — темная дыра, где смутно маячил гигантский фаллос одноцилиндрового двухтактного бензомотора, чаще тактично замолкавшего.

Ее оснастка также не была идеальной. Обе мачты были, видимо, изготовлены из пары прогулочных тростей. Штагами им служили телефонные провода и тресковые лёсы. Паруса пестрели заплатами точно

разноцветная одежда Иосифа и, казалось, не уступали ей древностью. Бушприт у нее смахивал на ручку швабры и был примотан на место веревками от сетей. У меня не создалось впечатления, что Холлоханы так уж часто выходили на ней в море. Позже выяснилось, что они вообще на ней не плавали и разделяли общее убеждение всех обитателей Грязной Ямы, что любая подобная попытка почти наверное окажется фатальной.

Не была она и чистеньким корабликом. По правде говоря, она смердела. Трюмы у нее не чистились со дня постройки и покрылись липким слоем рыбной слизи, рыбной крови и рыбных отходов толщиной в несколько дюймов. И это не было свидетельством неряшливости, как объяснили мне грязнеямцы, после того как я убил целую неделю в попытках ее вычистить, а «делалось с толком».

— Суть-то в том, шкипер, — объяснил мне один, — что лоханки-то эти строят из сырого дерева, ну и когда подсыхают — так рассыхаются. А уж там знай конопать щели. А вот кровью да отходами они, можно сказать, сами конопатятся и уж не протекут.

У меня ни разу не возникло причин усомниться в его словах.

Поскольку сумма, которую потребовали Холлоханы за свой корабль, странно сказать, оказалась доллар в доллар равна той сумме, какая имела для этой цели у меня, и поскольку это безымянное судно (Холлоханы никак не нарекли шхуну и называли ее просто «она», а иногда — «эта сука») еще не было готово поплыть к Самоа вокруг мыса Горн, мне предстояло принять очень серьезное решение.

Вопрос, собственно, стоял ребром: либо навсегда ее бросить тут, а Джеку Макклелланду убедительно соврать, что меня, например, в Сент-Джонсе ограбили разбойники с большой дороги, либо нахально сделать вид, будто именно так и надо, а затем попытаться сотворить мореходный корабль из трухи. Но, в сущности, я трус, да и Джека мне враньем не провести, а потому я избрал второй вариант. На вопрос, где мне найти кораблестроителя для кое-каких необходимых переделок, Холлоханы рекомендовали мне Енарха Коффина, того самого человека, который построил шхуну четыре года назад. Енос, как его называли все, оказался сухопарой обезвоженной щепкой в человеческом облиции. В молодости он был мастером-корабельщиком, строившим в заливе Форчен суда для ловли рыбы на Большой банке, но когда эти флотилии отошли в область преданий, ему пришлось сколачивать суденышки для местных рыбаков. Были они изящнейшей конструкции, но сочетание бедности его заказчиков и нехватки хорошей древесины со слабеющим зрением и надвигающейся старостью несколько снизили качество его работы. Шхуна Холлоханов была последней, которую он построил, и ей было суждено навсегда остаться последней в его жизни.

Когда я навестил его, вооружившись симпатичной бутылкой, он жил в обширном несуразном доме с семью незамужними дочерьми. Енос оказался добродушным и говорливым. Дialeкт Южного берега практически невнятен для непривычного уха, а когда его на вас обрушивают с частотой пулеметной очереди, то понять уж и вовсе ничего невозможно. За первые два часа нашего знакомства я не распознал ни единого обращенного ко мне слова.



Впрочем, после первого взрыва словоизвержения он по-иссяк, снизил темп, и я сумел понять очень даже многое.

По его словам, он был в восторге, что я купил шхуну, но когда услышал, какую сумму я уплатил, то спасся от апоплексического удара только потому, что тут же выпил полбутылки рома, ничем его не разбавляя.

— Черт-те что! — взвизгнул он, когда отдышался. — Я-то построил ее для этих пиратов за пару сотен!

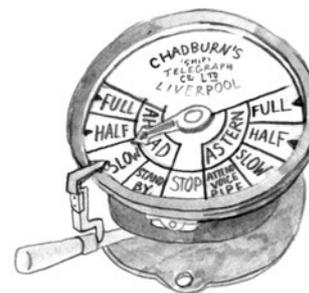
Тут я выхватил у него бутылку и выпил вторую половину рома, тоже ничем его не разбавляя.

Когда мы оба отдышались, я спросил, не возьмется ли он за ее починку, перестройку и вообще доведение ее до ума, и он охотно дал согласие. Мы договорились, что он поставит фальшкиль и внешний балласт; над рыбными люками соорудит каюту; снабдит ее койками, столами, рундуками и прочим необходимым внутренним оборудованием; приведет в порядок мачты, оснастку и выполнит еще сотни мелких, но крайне нужных работ. Енос прикинул, что на все это ему потребуются месяца два.

Я вернулся в Сент-Джонс, а оттуда в Онтарио во вполне сносном настроении. Я не тревожился, будет ли наше суденышко готово к сроку, поскольку мы намеревались отправиться на нем в плавание не раньше середины лета. Иногда я писал Еносу (он не умел ни читать, ни писать), и та или иная из его энергичных дочерей присылала в ответ покрытую каракулями открытку, типичным примером которой может служить вот эта:

Дорогой Мистер Мот Папаша говорит ваша шхуна хорошо продвигается много рыбы в этом месяце Герт родила Нелли Коффин.

В эти месяцы ожидания мы с Джеком предавались разным грезам и строили разные планы. Мы договорились, что я отправлюсь на Ньюфаундленд раньше его, в конце июня, на джипе, нагруженном всяческим снаряжением, и обеспечу последние штрихи, чтобы шхуна была готова к отплытию, когда в середине июля приедет Джек. Ну а тогда — поглядим. Бермудские острова, Азоры, Рио-де-Жанейро — мир ждал нашего выбора!



Глава вторая

«СТРАСТОЦВЕТ» УХОДИТ В МОРЕ

Джек Макклелланд был не единственным владельцем суррогатного корабля для поисков лихих приключений, когда жизнь становилась уже вовсе невыносимой. Его моторке, она же торпедный катер, на озере Маскока ничуть не уступал гордый корабль, которым я владел десять долгих лет. Непосвященному взору он мог показаться дряхлым драндулетом из породы джипов, но в мире фантазий это был последний из чайных клиперов, бороздивший моря между Лондоном и Цейлоном.

Для вящей убедительности по сторонам рубки он был снабжен керосиновыми ходовыми огнями — зеленый на правом борту, красный на левом. На баке вместо деревянной фигуры он нес ворот с сорока морскими саженьями каната. А нос и корму украшала надпись с его названием, портом приписки и его девизом:

**«СТРАСТОЦВЕТ» 4-Й Р-Н Г. АЛЬБИОН
УМРИ, НО СДЕЛАЙ!**

Сколько раз я плыл на нем под всеми парусами по боковому шоссе до магистрального № 50, а затем на юг, чтобы поймать пассат, и таким манером — до портовых баров Торонто. Однако в настоящем плавании ему

побывать не удалось вплоть до этого июньского утра, когда мы с ним взяли курс на Ньюфаундленд.

К нашему эпохальному путешествию он был подготовлен настолько, насколько это было в моих силах. В его вместительном трюме покоились два адмиралтейских якоря (один в сто шестьдесят пять фунтов, а другой стофунтовый). Затем три ящика морских сухарей, упакованных в 1893 году. Затем бухты растительного троса, свертки клеенки, пробковые спасательные пояса, патентованный лаг, компас с десятидюймовой картушкой и, как мог бы выразиться аукционщик, «другие предметы, слишком многочисленные, чтобы их называть». Собственно говоря, именно это и сказал аукционщик в одно прекрасное апрельское утро, когда я стал наиболее ненасытным его клиентом.

«Страстоцвет» отчалил от песчаного холма на заре. Легкий туман окутывал обрывы Альбиона, а с запада начинал задуть попутный бриз. Чудесный день для начала великого плаванья.

И в этот первый день он покрыл расстояние, поразительное для такого старого судна. С помощью попутного бриза оно пробежало на восток шестьсот пятьдесят миль, и вечером я поставил его на якорь посреди зеленого луга возле реки Святого Лаврентия на востоке от города Квебека.

На следующее утро меня разбудил запах жарящейся грудинки. Солнце уже встало, как и лошади, на чьем пастбище я разбил мой бивак. Севернее величавая серебряная река катила свои воды к еще неблизкому морю, а южнее лошади выстроились безмолвным полукругом, созерцая «Страстоцвет», меня и таинственного незнакомца.

Это был щупленький человечек с морщинистой физиономией и клочковатой бороденкой — неопределенного возраста, в потертых саржевых брюках, рубашке с обтрепанным воротничком и манжетами, в парусиновой куртке поверх нее. Я приподнялся и сел в своем спальном мешке, разглядывая его в некотором изумлении, ибо он деловито стряпал завтрак на моем керогазе, пустив для этого в ход мою сковородку, мои яйца, мою грудинку и мой кофе. Он заметил, что я пошевелился, и посмотрел на меня.

— С добрым утречком, сэр, — вежливо сказал он. — Вам как яички приготовить?

Видимо, я за ночь обзавелся новым матросом. Однако у меня не сохранилось ни малейших воспоминаний, как это произошло, а если мой ум начал заходить за разум, признаваться в этом я не собирался.

— С добрым утром, — ответил я осторожно. — Желтком вверх и не сильно поджаренные. Кофе черный.

— Есть, сэр. Сию минуту, сэр.

Тайна разъяснилась, пока мы завтракали.

Мой новый товарищ — звали его Уилбер — объяснил, что он моряк с Ньюфаундленда и на рассвете пустился в путь на восток к Сент-Джонсу, но тут увидел «Страстоцвет». Небрежный взгляд в окно подсказал ему, что перед ним корабль, замаскированный под джип, а потому с истинно моряцким компанейским духом он пригласил себя на борт.

Уилбер оказался ценнейшим приобретением. Он провёл в море почти сорок лет — во всяком случае, так он сказал. Пока мы катили на восток в это утро по берегу могучей реки, он указывал мне на встречные суда и рассказывал всякие истории про их команды — истории,

осмелся я их напечатать, превратили бы Генри Миллера в поставщика викторианских детских стишков.

Уилбер был прирожденным рассказчиком и ни на минуту не переставал плести кружева своих былей и небылиц, пока мы не пересекли Нью-Брансуик и не въехали в Новую Шотландию. К этому времени я просидел за рулем десять часов и утомился. Тут Уилбер предложил сменить меня у штурвала, заверив, что еще не построено судно, которым он не сумел бы управлять, и я с радостью поменялся с ним местами.

Я благодарно смежил вежды и заснул. Десять минут спустя «Страстоцвет» высвистал всех наверх треском, который явно возвещал конец вселенной. Уилбер столкнул нас с бортом огромного грузовоза, нагруженного бревнами по самую ватерлинию.

Выяснилось, что оба судна отделались самыми пустячными повреждениями, потому что крепкий носовой ворот «Страстоцвета» ударился о гигантскую тракторную крышку, подвешенную, точно кранец, к борту грузовоза. Удар, пришедшийся по моей психике, гордости Уилбера и душевному равновесию верзилы, хозяина грузовоза, был много тяжелее; но ведь мы находились в Новой Шотландии и знали, чем исцелиться. Уселись все втроем на краю придорожной канавы, распили бутылочку рома и расстались задушевными друзьями. И я, и водитель грузовоза удовлетворились объяснением Уилбера, который виновато признался, что хотя он способен управлять любым кораблем, когда-либо ходившим под парусами, но вот с моторными лодками ему дела иметь не приходилось.

Я сел за руль. «Страстоцвет» теперь двигался как-то странно, чуть боком, точно краб. Поскольку ни Уилбер,

ни я механиками не были, мы не поняли, что его румпель (сухопутные крысы назвали бы это рулевой тягой или еще чем-нибудь, столь же эзотерическим) сильно погнулся. Через час-другой я с этим полностью свыкся — в отличие от встречных машин. Они словно бы не могли решить, какое направление мы выбираем, и многие съезжали на гаревую обочину, пропуская нас.

Начало смеркаться, и мы обнаружили, что наши электрические носовые огни столкновение тоже вывело из строя, но зато наши ходовые огни были хорошо заправлены керосином, мы зажгли их и смогли поехать дальше, хотя и снизив скорость.

И тут я вынужден заметить, что новошотландцы, некогда знаменитые мореходы, видимо, поутратили дух своих предков. Во всяком случае, суда, встречавшиеся нам после наступления темноты, словно бы понятия не имели о правилах, как расходятся бортами. Мы приближались к ним, наш фонарь на правом борту был пылающе-красным, на левом — пылающе-зеленым, а они шарахались, словно повстречали «Летучего Голландца». Некоторые подавали сигналы бедствия столь голосисто, что нам оставалось лишь бросить якорь до конца ночи, как мы и сделали в деревушке Пагуош.

Некогда смиренный поселок ловцов омаров Пагуош теперь знаменит своими учеными конференциями, на которые со всего света съезжаются прославленные мыслители и где их приветствует Сайрус Итон, американский капиталист. Я слышал про него, а потому повернул «Страстоцвет» на шоссе, ведущее к его загородному дому. Мистер Итон был в отъезде, и дежурный секретарь, не смотря на мои прозрачные намеки, не предложил нам

с Уилбером гостеприимства этого дома. Отношу этот щелчок по носу на счет того, что я не капиталист. Быть просто мыслителем явно недостаточно.

В конце концов мы причалили на ночь во дворе ловца омаров по имени Ангус Мака, обаятельнейшего человека с гэльскими отзвуками в речи. Он проводил нас к себе в дом, где его супруга накормила нас по уши жареной макрелью. Кроме того, Ангус взялся починить наши носовые огни, а румпель оказался ему не под силу.

Следующий день плавания никакими происшествиями не ознаменовался. Еще до полудня мы достигли Порт-Хоксбери на острове Кейп-Бретон, где разыскали старинного моего морского приятеля Гарри Лэнгли, у которого приобрели не только пятьдесят морских саженьей якорной цепи (под ее тяжестью «Страстоцвет» так осел, что его кормовая палуба находилась лишь в нескольких дюймах над поверхностью шоссе), но и картонку мыла, мылящегося в соленой воде.

Мыло это прибыло из заморских стран в 1887 году на борту английского парохода «Центурион». Ныне корпус «Центуриона» догнивает на дне сиднейского порта, но его мыло создано из более вечного материала, чем какой-то там английский дуб и шведская сталь. Гарри заверил меня, что более долговечного мыла мне нигде не найти, и сказал святую правду: десять лет спустя после приобретения этого ящика я все еще не покончил с первым куском, и, наверное, пройдет еще десять лет, прежде чем он достаточно размягчится и даст первую пену.

На исходе того же вечера мы добрались до северо-восточного кончика Кейп-Бретона, до Норт-Сидни, откуда автомобильный паром бежит через пролив Кабота

к Ньюфаундленду — через девяносто миль одних из самых бурных вод в мире.

Тут я вынужден прервать записи в судовом журнале «Страстоцвета» и ввести пару-другую слов о великом острове, которому в грядущие месяцы и годы предстояло стать неотъемлемой частью моей жизни. Я и не попытаюсь описывать его заново, ибо такое описание уже существует и я не думаю, что сумею его превзойти. И, не краснея, присваиваю его. Взято оно из книги под названием «Эта окруженная морем скала», написанной Джоном Девиссером и Фарли Моуэтом: «Ньюфаундленд принадлежит морю. Расположенный, точно колоссальная гранитная пробка, в горловине залива Святого Лаврентия, он повернулся спиной к материку, отгородившись от него скальным бастионом своего грозного западного берега длиной в триста миль. Остальные его берега обращены к открытому морю и до того изрезаны и изогнуты бухтами, заливами, проходами и фиордами, что подставляют Атлантике более пяти тысяч миль береговой линии. Повсюду подводные рифы и скалы (называемые с жуткой конкретностью «потопителями») только и ждут случая пропороть днище беспечного судна. И все-таки берега эти — истинный мир мореходов, ибо предлагают им безопасных гаваней без числа.

Еще совсем недавно значение имели только берега острова. Холмистые плато его внутренних областей, покрытые темными борами на севере, но совершенно лысые на юге, оставались неведомыми землями. Ньюфаундленд был тогда, да и остается теперь истинно морской землей, возможно родственной той другой морской земле, которая звалась Атлантидой; однако Ньюфаундленд не был поглощен зеленой бездной, но каким-то образом



был занесен ветрами к нашим берегам, где и остался невольным изгнанником, вечно устремленным назад, на восток. И это не просто фантазия. Ведь Ньюфаундленд — это самый восточный край Северной Америки, настолько далеко вдающийся в Атлантику, что его столица Сент-Джонс лежит в шестистах милях к востоку от Галифакса и почти в тысяче двухстах милях восточнее Нью-Йорка».

Возможно, проза Моуэта несколько высокопарна, но суть описания верна.

Плавание через пролив Кабота было первой встречей «Страстоцвета» с соленой водой. Незадолго до полуночи я загнал его на борт громоздкого плоскобокого чудища, лишенного даже намека на мореходные качества, наименованного «Уильям Карсон» и построенного канадским правительством, чтобы оно плавало взад-вперед по проливу, связывая Ньюфаундленд с остальной страной. Эта штука (нет, судном ее назвать никак нельзя) примерно столь же благодушна, как старая коза с воспалившимся выменем, и почти столь же красива. В своем вспученном брюхе она способна перевозить несколько сот легковых машин и грузовиков и в этот вечер была полна под завязку. Каждая машина была надежно принайтовлена к швартовым рымам, приваренным к палубе; впрочем, «надежно» тут, пожалуй, не то слово.

Отплыли мы в полночь. К двум часам ночи «Карсон» переваливался на валах, накатывающихся с траверза, и вздымал высокие бока под ударами северо-западного ураганного ветра, задувавшего со скоростью пятьдесят миль в час. Его человеческий груз цеплялся за все, что можно, или перекашивался на койках, подтягивая стопами пронзительным завыванием ветра. Внизу, в трюме для машин, весь ад сорвался с цепи.

Так называемый моряк, закрепивший «Страстоцвет», видимо, только-только покинул родительскую ферму в Саскачеване. Иначе он сообразил бы, что четырех отрезков четвертьдюймового троса, может, и достаточно, чтобы удерживать на месте невесомую скорлупку стандартной североамериканской легковушки, но для двухтонного джипа, нагруженного тремя тоннами всяческих

металлических изделий, они окажутся не крепче тонкого шпагата.

«Страстоцвет» сорвался с якоря. Вначале среди тесно поставленных машин ему не было где толком развернуться. Но за полчаса он сумел расчистить себе местечко. Всякий раз, когда «Карсон» ухал тяжелым рылом в ложбину между волнами, мой «Страстоцветик» кидался вперед и утыкался в корму «понтака», принадлежавшего капитану ВВС Соединенных Штатов, пребывавшему в Стивенвилле на Ньюфаундленде. Всякий раз, когда «Карсон» задира нос или тяжело присаживался на жирную задницу, «Страстоцвет» атаковал кормой и таранил буксировочным крюком радиатор «кадиллака» одного из капитанов промышленности, которые по приглашению премьер-министра Джои Смолвуда начинали превращать Ньюфаундленд в свои поля счастливой охоты.

Несколько укоротив эти две машины, «Страстоцвет» обрел достаточно простора, чтобы порвать их узы, и тогда они уже втроем принялись дружно бросаться в атаку то вперед, то назад. Последовавшая цепная реакция учинила на нижней автомобильной палубе разгром, которого мир, пожалуй, не видывал с тех пор, как Клавдий Тиберий выгнал на арену Колизея триста африканских слонов при помощи сорока нубийских львов.

Процесс разгрузки по прибытии в порт назначения Порт-о-Баск был весьма оживленным и интересным. Высказывания владельцев, когда они спускались на пристань востребовать свои искалеченные машины и организовать буксировку, были сочными и глубоко искренними.

«Страстоцвет», хотя и выглядел так, словно несколько месяцев нес ледакольную службу, съехал с парома своим

ходом. Видимо, никаких серьезных внутренних повреждений он не получил. И, как благоговейно заметил Уилбер, был «ну прямо в ажуре!».

Плавание в пятьсот пятьдесят миль поперек Ньюфаундленда свелось к долгим упражнениям в мазохизме. В те дни Трансканадское шоссе было еще голубой мечтой, лелеемой в основном политиками в Оттаве и в Сент-Джонсе. Реальность же оказалась настолько жуткой, что справиться с ней было под силу только джипу или танку, ну и, может быть, верблюду. Лишь у немногих путешественников хватало дерзости проверить это на опыте. Большинство предпочитало грузить свои машины на товарные платформы в Порт-о-Баске и отправлять в Сент-Джонс по железной дороге. Я бы, наверное, поступил так же, если бы Уилбер не заверил меня, что он ездил по этой дороге тысячи раз и все было тип-топ.

И он не соврал. Тип-топ, возможно, и было, а вот дороги не имелось. Нам понадобилось пять суток, чтобы добраться до Сент-Джонса, и к тому времени «Страстоцвет» находился при последнем издыхании. Полетело семь покрышек; он лишился последних двух рессор (амортизаторы дали дуба уже много лет назад), а также глушителя и уверенности в себе. Он прибыл в Сент-Джонс совсем одряхлевшим больным кораблем, но, черт побери, он прибыл туда под собственными парусами!

Уилбер расстался со мной в Сент-Джонсе. Я спросил его, где он желает сойти на берег, и по его указаниям нашел на окраине конгломерат серых корпусов. Выглядели они неописуемо мрачно и отталкивающе.

— Ты уверен, — спросил я, — что тебе сюда?

— Да, сынок, — радостно ответил Уилбер. — Это психушка, значит, мне сюда.

Так и оказалось. Уилбера встретили у дверей с такой же радостью, с какой он вошел в них. Кто-то из встречавших, стажер, если не ошибаюсь, все мне объяснил. Он сказал, что Уилбер был пациентом сент-джонской психиатрической больницы уже почти двадцать лет. Он никогда никому лишних хлопот не доставлял, но время от времени сбегал и отправлялся «поплавать». В своем воображении он тоже был моряком, избороздившим семь морей, но через два месяца начинал скучать и возвращался домой.

Уилбер долго тряс мне руку и от души благодарил. — Как тебе понадобится товарищ в плавании, так ты сразу ко мне, шкипер, — сказал он на прощание.

Может, я так и сделаю; ведь мне доводилось плавать со многими и многими, кто мне нравился куда меньше.



Литературно-художественное издание
В соответствии с Федеральным законом № 436
от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 12+

Фарли Моуэт

ШХУНА, КОТОРАЯ НЕ ЖЕЛАЛА ПЛАВАТЬ

Перевод с английского Ирины Гуровой
Иллюстрации Нины Кузьминой
Корректор Ольга Дергачева
Дизайнер-верстальщик Николай Кормер
Выпускающий редактор Анна Тигай
Главный редактор Ксения Коваленко
Генеральный директор Татьяна Кормер

ООО «Издательство Альбус корвус»

albuscorvus.ru,

readers@albuscorvus.ru

Магазин: albuscorvus.shop

Подписано в печать

Формат 60×90/16

Тираж 3000 экз.

Заказ № _____

ISBN 978-5-00114-246-1